

ЧАСТЬ V.
У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 200-ЛЕТИЮ М.С. КУТОРГИ И 180-ЛЕТИЮ С.В. ЕШЕВСКОГО)

Н.Ю. Бикеева (Казанский ГУ)

**Степан Васильевич Ешевский и его взгляды на эпоху перехода
от Античности к Средневековью**

С.В. Ешевский (1829–1865) занимает уникальное место в русской исторической науке. Ученик Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева, он одним из первых в отечественной историографии обратился к изучению переломной для судеб Западной Европы эпохи перехода от античности к средним векам. В этот период происходит крушение прежнего мирового порядка и зарождение нового.

Оставленный после окончания в 1850 г. Московского университета на кафедре всеобщей истории для научной работы, С.В. Ешевский выбрал темой магистерской диссертации личность и творчество галло-римского аристократа, писателя и епископа Сидония Аполлинария. В центре внимания диссертации оказалась не только жизнь высшего, аристократического общества, к которому принадлежал Сидоний Аполлинарий, но и других социальных слоев Галлии V в. С.В. Ешевский с сочувствием говорит о тяжелом положении низших классов и движении народных масс, в частности багаудов (их он называет «багодами»), подорвавшем государство изнутри. В этих социальных конфликтах и противоречиях историк видит причину гибели Римской империи. Это не случайно. Как отмечал С.И. Архангельский, диссертацию С.В. Ешевский писал в тот момент истории крепостной России, когда противоречия между крепостными крестьянами и помещиками становились чрезвычайно острыми.

В своей работе русский историк указал, что хочет через призму личности и творчества галло-римского аристократа увидеть политическое состояние Галлии в V в., а также особенности ее духовной жизни. Эту черту диссертационного исследования С.В. Ешевского отметил принявший участие в развернувшейся по поводу диссертации дискуссии П.Н. Кудрявцев, указавший, что автору удалось показать, как из развалин старого возникает новое общество. Но сам П.Н. Кудрявцев был во многом не согласен с точкой зрения С.В. Ешевского, полагавшего, что ключевым моментом в понимании личности Сидония является система образования, которая носила риторический характер и предопределила развитие литературных способностей Сидония. В отличие от С.В. Ешевского жизнерадостный и увлекающийся характер Сидония П.Н. Кудрявцев выводил из его принадлежности к галльской народности, чем и объяснял большинство его мыслей и действий.

Существенное различие имело место и в трактовках учеными проблем перехода от одной эпохи к другой. Поскольку одной из главных целей своего исследования С.В. Ешевский считал рассмотрение всей истории нравственного и умственного падения античного общества, то при характеристике литературной деятельности Сидония он акцентировал внимание на признаках «упадка, разложения и регресса», считая ее в таких условиях бессмысленным и бесплодным занятием. П.Н. Кудрявцев же обращает внимание на факты, свидетельствующие о «зарождении и становлении» нового общества. С этих позиций он и дает оценку творческой деятельности Сидония. По его мнению, форма сочинений Сидония являлась проявлением исчезавшей античной литературы и одновременно зарождавшейся средневековой латинской литературы. Кроме того, литературная деятельность Сидония заслуживает уважения еще и потому, что в условиях системного кризиса этот античный автор стремился к сохранению античной культуры.

В своей магистерской диссертации С. В. Ешевский рассматривал не только ту часть деятельности Сидония, которая была напрямую связана с литературным творчеством. Так, С.В. Ешевский, используя современные термины, обвиняет Сидония и многих других представителей галло-римской элиты в конъюнктуре и конформизме. По мнению исследователя, именно нравственные недостатки, свойственные нобилитету, способствовали падению империи. В свою очередь, П. Н. Кудрявцев считал неправомерным обвинять Сидония в политической беспринципности, исходя из современных позиций, тем более что Сидоний современникам не казался безнравственным человеком.

Дальнейшая судьба С.В. Ешевского сложилась таким образом, что он, будучи приглашенным на кафедру русской истории в Казанский университет, несколько лет читал лекции по русской истории. Лишь спустя некоторое время (1857) он смог вернуться в Москву, стать профессором Московского университета и начать преподавание на кафедре всеобщей истории (1858).

Теперь С.В. Ешевский мог снова обратиться к изучению и преподаванию своей любимой темы – эпохи перехода от античности к средневековью. Это был очень плодотворный период в его жизни. Им были прочитаны курсы «Центр римского мира и его провинции», «Очерки язычества и христианства», «Эпоха переселения народов и Каролинги». Все эти материалы были опубликованы в 1870 году в трехтомном издании сочинений С.В. Ешевского. Историк также работал над своей докторской диссертацией, посвященной Брунгильде. Материалы для неё историк готовил, находясь в Париже. К сожалению, работа не была им закончена и опубликована.

В историографии признано, что в разработке проблем истории римских провинций, кризиса и падения античного мира Ешевский был пионером в науке своего времени. Его очерк жизни римских провинций в

эпоху империи был составлен почти за четверть века до появления в свет V тома «Римской истории» Т. Моммзена.

К сожалению, этот оригинальный мыслитель, талантливый историк и преподаватель, у которого было так много творческих планов и замыслов, ушел из жизни в самом расцвете сил в возрасте всего 36 лет. Он не успел оставить после себя учеников. Кроме того, историки конца XIX – начала XX вв. (П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин и др.), при обращении к социально-политическим и культурным проблемам эпохи перехода от античности к средневековью фактически не учитывали научное наследие С. В. Ешевского.

После периода забвения интерес к творчеству русского историка вновь возник в середине XX в. В 1955 г. была опубликована статья С.И. Архангельского «Исторические взгляды С.В. Ешевского» (Средние века. Вып. VI). Автор статьи высоко оценивает труды русского историка, поскольку последний не обошел в своих исследованиях социальные конфликты и противоречия исследуемой эпохи. В отличие от работ таких историков как П.Г. Виноградов и Д.М. Петрушевский, подвергавшихся в середине XX в. в СССР критике и нападкам, исследования С.В. Ешевского, не «воспринятые» представителями «буржуазной историографии», считались более прогрессивным. Хотя долгое время после выхода статьи С. И. Архангельского специальных трудов, посвященных С.В. Ешевскому, не было, а его работы до сих пор не переиздавались, оценка творчества русского историка в различных обобщающих историографических исследованиях в целом была положительной. Так, авторы «Историографии античной истории» считают его оригинальным исследователем, самостоятельно разрабатывавшим вопросы, связанные с жизнью римских провинций в эпоху империи и в этом смысле опередившим западных историков. Э.Д. Фролов в книге «Русская наука об античности» также высоко оценивает творчество С.В. Ешевского, подчеркивая, что он разработал оригинальную концепцию Римской империи. Большое внимание, по мнению Э.Д. Фролова, русский историк уделил содержанию романизации, значению провинций Империи, социально-экономическим аспектам жизни, социальным движениям, роли местной знати.

А.А. Кузнецов (Нижегородский ГУ)

Нижегородские тексты С.В. Ешевского

Под нижегородскими текстами С.В. Ешевского понимаются тексты, созданные им в связи с постижением истории Нижнего Новгорода, под влиянием нижегородских знакомств, и тексты о Ешевском.

В исторической памяти России слава Кузьмы Минина, спасшего Отечество и участвовавшего в утверждении новой династии, развивалась

долгое время. Одним из поворотов развития данного сюжета является установление связи между Кузьмой Мининым и вниманием к нему императора Петра I. Расхожим мнением в нижегородской историографии стало то, что в мае 1722 г. он, остановившись в Нижнем Новгороде, почтил вниманием и торжественной речью (типа «Вот истинный спаситель Отечества») гробницу Минина в Спасо-Преображенском соборе. Источники, свидетельствующие о посещении Петром I Нижнего Новгорода в 1722 г., об этих обстоятельствах молчат. (Новый Нижегородский летописец // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 652).

Впервые эпизод поклонения могиле Минина упоминается в статье П.И. Мельникова, написанной в 1842 г.: «30 мая 1722 года император Петр Великий, быв в соборе Преображенском у обедни, спросил: “Где похоронен Минин?””. Ему показали место. Державный, почтив земным поклоном могилу спасителя России, спрашивал о его потомках... С этого времени началась слава Минина, до тех пор почти забытого. Память о нем воскресла...» (Мельников (Андрей Печерский) П.И. Где жил и умер Козьма Минин? // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII. СПб., 1909. С. 499, 501). Еще нет слов о спасителе отечестве, но отмечено внимание царя к праху Минина. Возникают вопросы. Почему Петр I не вспомнил о Минине при первом визите в Нижний Новгород в мае 1695 г., почему не поинтересовался его могилой 27 мая 1722 г., когда был на литургии в Спасо-Преображенском соборе, как это явствует из Нового Нижегородского летописца? Опыт источниковедческой критики придуманных П.И. Мельниковым сюжетов нижегородской истории показывает, что он искусно вводил их в источниковое пространство.

22 октября 1845 г. на торжественном акте Нижегородской гимназии ученик VII-го класса Степан Ешевский прочитал доклад «Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году» (был опубликован в Неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» № 42/43 1845 г.). Ешевский отметил, что Петр I посетил Нижний Новгород в 1722 г. в возрасте 50 лет (30 мая) и в 500 годовщину со дня основания города. В связи с этим «Государь был в этот день на литургии и в Нижегородском соборе, сам пел на клиросе с певчими и читал апостол. После литургии он спросил, где могила Минина и, увидев ее, поклонился до земли и сказал: “Вот истинный спаситель отечества!”» (Гацицкий А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 73). Сомнительна одна деталь рассказа. В тех источниках, которые мог использовать будущий историк, основание Нижнего Новгорода дано под 6729 г. (в списках Нижегородского летописца читается 6720 г.). При переводе на летоисчисление от Рождества Христова получается 1221 (в Нижегородском летописце 1212) год. Наблюдается нарочитое соотнесение Ешевским дат основания Нижнего Новгорода, его посещения Петром, юбилейных «возрастов» города и царя. В этот цикл нижегородской истории вписывается

ее достоинство – спасение Отечества Мининым, соотнесенное с началом династии, представителем которой был Петр I.

Интрига заключается в том, что в 1845 г. гимназическим учителем С.В. Ешевского и редактором Неофициальной части Нижегородских губернских ведомостей был П.И. Мельников. Этот факт в сочетании с тем, что впервые сообщение о посещении Петром I могилы Минина появилось в работе П.И. Мельникова, позволяет считать, что учитель и ученик создали «факт» поклонения Петра I праху Минина. Так увязывались 2 символа, игравших важную роль в национальной и имперской самоидентификации в русской исторической памяти XIX в. Затем этот сюжет быстро распространился, что связано с активным творцом имперского дискурса – Николаем I. Его связь с Петром I и Мининым проявилась в описании Н.И. Храмцовским визита императора в 1834 г.: «Николай I, как и великий прадед его, первый император России, удостоил поклонением прах Минина, для чего изволил спускаться в склеп под Преображенский собор...» (Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода... С. 157). При визите в 1836 г. император Николай I обратился к городскому главе Ф.П. Переплетчикову, как представителю купцов «...и сограждан знаменитейшего из этого сословия Козьмы Минина» (Там же. С. 158). Переплетчиков же занимался поисками потомков Минина. Все это толкало нижегородцев второй трети XIX в. к увязыванию Минина, причастного к утверждению Романовых, с памятью о Петре I, который был образцом для Николая I.

Гимназист Ешевский заложил основы расхожего стереотипа о Петре I и Минине, который подпитывался идеологией николаевского времени. С этого момента началось вхождение С.В. Ешевского в историческое пространство России.

На этом моменте заострил внимание А.С. Гациский: Ешевский сначала прочитал сочинение, а потом опубликовал в «Нижегородских губернских новостях». А.С. Гациский сообщил об этом в сводной работе «Люди Нижегородского Поволжья». Он намеревался создать биографическую галерею известных нижегородцев (351 персона), но до конца замысел не воплотил в жизнь. Тем более примечателен первый опыт 6 портретов, составленных Гациским. Последним из них был очерк о С.В. Ешевском, усиленный переопубликацией статьи о визите Петра I. Внимание автора на личности Ешевского знаменательно тем, что большую роль в формировании списка нижегородцев сыграл П.И. Имеются и биографические параллели С.В. Ешевского и А.С. Гациского: оба были не коренными нижегородцами, оказавшимися в городе на устье Оки в отроческом возрасте, закончили одну гимназию, считали Нижний Новгород второй родиной, написали в гимназические годы работы, посвященные истории Нижнего Новгорода, поступили в Казанский университет, который затем поменяли на другой. А.С. Гациский в очерке о С.В. Ешевском

не дал принципиально нового материала по его научной биографии, сложенной из статьи К.Н. Бестужева-Рюмина и сочинений Ешевского. Бестужев-Рюмин, в свою очередь, использовал «Воспоминание о С.В. Ешевском» А.С. Гациского. Более ценными являются личные впечатления А.С. Гациского и некоторые его наблюдения. Согласно им, С.В. Ешевский и К.Н. Бестужев-Рюмин полемизировали в гимназии по вопросам истории России на литературных беседах. Примечательна сноска Гациского: «Нижний как вторая родина Ешевского, который сам называл себя всегда нижегородцем, как место, в котором протекала его ранняя юность и в котором он так часто работал впоследствии, был одним из любимейших его уголков. Я живо помню, с какой юношеской неподдельной радостью ткнул Степан Всасильевич мне, тогда студенту, чуть не прямо в лицо свой отпуск с казенной печатью на вакацию 1856 года, стремглав сбегая с лестницы из университетского правления в Казани. “В Нижний, в Нижний!”, – кричал он, заливаясь каким-то детским смехом...» (Гацицкий А.С. Люди Нижегородского Поволжья. С. 350).

Нижний Новгород не забывал о Ешевском. Научный интерес к нему возник в начале XX в. Тогда в Нижний Новгород вернулся его уроженец, выпускник Историко-филологического факультета МГУ, будущий член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский. Среди нижегородских архивистов он встретил выпускника Истфила МГУ А.К. Кабанова. После революции Архангельский возглавил нижегородское краеведческое движение, ставя его на научные рельсы. Для этого он установил переписку с академиком С.Ф. Платоновым. В письме от 29 октября 1925 г. С.И. Архангельский сообщил о подготовке им совместно с А.К. Кабановым публикации переписки С.В. Ешевского с К.Н. Бестужевым-Рюминым. Она давала новые сведения о биографии, научном формировании Ешевского, Бестужева-Рюмина. Переписка не была издана до 1925 г. по причине отсутствия средств. Возможно, переписка находится сейчас в фонде С.В. Ешевского в Центральном архиве Нижегородской области (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1827. Оп. 824). Местонахождение материалов, подготовленных А.К. Кабановым и С.И. Архангельским к изданию, неизвестно.

М.И. Козлова (Ставропольский ГУ)

С.В. Ешевский и А.И. Герцен: два подхода к публицистическому наследию кн. М.М. Щербатова

Виднейший историописатель и публицист XVIII в. кн. М.М. Щербатов (1733–1790) является одним из наиболее предвзято воспринимаемых представителей века «просвещенного абсолютизма». Многие ученые остаются в плену стереотипов, сформированных еще в

XIX в. До этого времени его публицистические работы не издавались, он был известен только как автор тяжеловесной «Истории российской от древнейших времен».

В 1858 г. А.И. Герцен впервые выпустил в свет в Лондоне в Вольной типографии трактат Щербатова «О повреждении нравов в России», в этом же году С.В. Ешевский опубликовал отдельные фрагменты из этого сочинения в московском журнале «Атеней». Указанные представители интеллектуальной элиты XIX в. сопроводили издаваемый текст содержательными предисловиями, в которых изложили свои взгляды на это произведение Щербатова, положив начало активному изучению его творчества.

Для революционера-демократа Герцена образ российского дворянина оказался наиболее «лакомым» для защиты собственных взглядов. Искандер, не имевший прямого отношения к исторической науке и не вчитывавшийся в текст «О повреждении нравов...», представил Щербатова славянофилом, консерватором и стародумом, т.е. противопоставил публициста XVIII в. своему направлению.

С.В. Ешевский, в отличие от Герцена, был профессиональным историком, ко времени написания своей статьи в журнале «Атеней» он получил известность как специалист по древней и средней истории (магистерская диссертация «Аполлинарий Сидоний»). А в связи с избранием на должность адъюнкта на кафедре русской истории в Казанском университете (1855–1857 гг.) Ешевский читал лекции по историографии (1857), сохранившиеся только в записках слушателей. Именно с чтением этого курса мы связываем его интерес к наследию Щербатова как к видному представителю исторической науки XVIII в.

С.В. Ешевский определяет Щербатову «почтенное место» среди историков XVIII века, сожалея при этом, что «История российская» оказалась незаслуженно забытой. По словам ученого, Щербатов стремился вдуматься в ход событий и, чтобы объяснить их суть, неоднократно возвращался к одному и тому же историческому явлению, при этом его выводы были признаны довольно удачными.

Знакомство с трактатом «О повреждении нравов в России», который был обнаружен в 1855 г. вместе с другими «тайными» бумагами Щербатова, стало дополнительным стимулом для обращения Ешевского к личности полузабытого публициста XVIII в. Профессионального историка привлекли в этом произведении не только сведения о жизни высшего общества екатерининской эпохи, но и личный, отличающийся своеобразием, взгляд автора на ход истории «просвещенного века», во многом разнившийся с господствовавшими представлениями. Российский публицист негодует по поводу современной ему безнравственности и преклонением перед материальными наслаждениями, апеллируя к «доброму старому времени». Анализ этого произведения позволил Ешевскому дать собственную трактовку направленности политических воззрений Щербатова. В статье, предваряющей публикацию трактата («О происхождении нравов в

России [Неизданное произведение кн. М.М. Щербатова]), казанский адъютант вступает в дискуссию с представителями, по его словам, «славянской школы», полагая, что они «напрасно хотели бы зачислить кн. Щербатова в число славянофилов до появления славянофильства». На наш взгляд, высказанная Ешевским точка зрения является ответом на суждения своего главного оппонента в изучении наследия историописателя – редактора «Колокола».

По мысли Ешевского, Щербатов вовсе не являлся безусловным защитником старины и противником реформ Петра I. Историописатель лишь выступал против отдельных преобразований, затрагивающих сословные интересы высшего дворянства, – признания приоритета личных заслуг перед принадлежностью к знатному роду и новой системы формирования регулярного войска, вынуждавшей дворян служить, начиная с низших чинов. В жизни допетровской Руси, считает Ешевский, Щербатова привлекал общественный строй, в котором важная роль отводилась знатым боярским родам, признавались аристократические права, а должности занимали родовитые люди. Профессиональный историк акцентирует внимание читателя на то огромное значение, которое Щербатов придавал личному примеру правительственных лиц петровской эпохи, отмечая в целом уважительные высказывания автора по поводу самого Петра I, которого тот, хотя и критикует, но не столько за сами преобразования, сколько за ту излишнюю резкость, с которой они проводились. По мнению Ешевского, аристократический принцип был господствующим в политических убеждениях Щербатова, что, несомненно, повлияло на его оценку современной действительности.

Судьба высказанных суждений об общественно-политических взглядах Щербатова оказалась различной. Аргументация казанского историка осталась невостребованной ни читающей публикой, ни научным сообществом. В сознании последующих поколений исследователей прочно закрепился образ Щербатова, созданный Герценом, породив тем самым подхваченную дальнейшими исследователями традицию считать автора «О повреждении нравов...» принципиальным противником западноевропейского просвещения, фанатическим приверженцем национальной старины, предтечей славянофильства. Утвердившийся в научной, учебной и справочной литературе жесткий стереотип успешно дожил до наших дней, а спорадические попытки его преодоления не имели сколько-нибудь действенных последствий. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена несколькими причинами.

Не последнюю роль для выбора предпочтительной отправной точки для восприятия наследия Щербатова сыграло место публикации. Созданный в год выхода статьи Ешевского научный журнал русской критики «Атеней» (просуществовавший только до 1859 г.) не имел такого широкого распространения, как нелегально провозимые в Россию и распространявшиеся знаменитые издания бесцензурной Вольной типографии.

Особое значение сыграла способность Герцена использовать различные способы, а говоря современным языком PR-технологии, для продвижения собственных идей. Искандер хорошо знал эффект предварительной «рекламы», поэтому публикуя «О повреждении нравов...», он искусственно инициировал ажиотаж вокруг этого издания и тем самым усилил потребительский интерес. Важным оказался яркий, образный язык Герцена. Умелое использование слов, врезавшихся в память, применение эффектных метафор способствовало формированию необходимого ему образа Щербатова. В этом смысле строгий академический стиль Ешевского оказался не в состоянии конкурировать с мастерством Герцена-публициста, и читающей публике оказался ближе «коммерческий продукт» Искандера.

Таким образом, в XIX в. наметились два альтернативных подхода к творческому наследию Щербатова. Публицистический дискурс Герцена способствовал созданию идеологически заданного имиджа, который постепенно трансформировался в неподдающийся рационализации и закрепившийся в научном сообществе устойчивый стереотип. Напротив, в ситуации происходящего в последние десятилетия пересмотра старых парадигм и поиска новых методов решения проблем актуализация отторгнутого современниками научного дискурса Ешевского способна инициировать интенсивную рефлексию относительно сложившихся историографических стереотипов, а значит, может стать полезной для пересмотра клишированного полтора столетия назад образа Щербатова и создания нового, соответствующего современному уровню развития исторической науки.

Т. В. Кудряцева (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург)

М.С. Куторга и преподавание истории в Санкт-Петербургском императорском университете

В конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. историческое образование в Петербургском университете находилось в самом безотрадном запущении: «далее сухого изложения фактов по отжившим век школьным или непригодным учебникам без малейшего проникновения в причины и соотношения событий никто из преподавателей здесь не шел» (Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования / Сост. В.В. Григорьев. СПб., 1870. С. 72). От студентов не требовалось ничего, кроме заучивания учебников наизусть; считалось даже за дурную склонность к вредному свободомыслию, если студент на экзамене отвечал из учебника «своими словами». Причинами подобного положения были не только слабая подготовка преподавателей, но и страх, поселившийся в университетских аудиториях после учиненного в начале 20-х гг. Д.И. Руничем погрома. Понимание того, что надо предпринять некие решительные меры для реанимации университетского образования

в России, проникло даже в высшие сферы: проблему собирались решить, пополнив университеты высококвалифицированными преподавателями, которые стояли бы на европейском уровне. По высочайшему повелению в ноябре 1828 г. было отобрано в Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском и Московском университетах 20 способных студентов, отправленных учиться сначала на три года в Дерпт в Профессорский институт, а затем для завершения образования – на два года в Европу, Берлин или Париж. В числе избранных был и М.С. Куторга.

Примерно с 1835 г. начинается постепенное возрождение Петербургского университета и исторического образования в его стенах; причинами были возвращение молодых профессорантов, изменения в университетском уставе и вступление в должность министра народного просвещения покровителя университета графа С.С. Уварова. В январе 183 г. Куторга приступил к чтению лекций в Петербургском университете на историко-филологическом факультете сначала в качестве преподавателя, затем адъюнкта, а после защиты докторской диссертации (1838 г.) экстраординарного, с 1844 г. – ординарного профессора. И современники, и историки отмечали единодушно эпохальность данного события: с него начинается собственно полноценное научное преподавание всеобщей истории на т.с. «европейском уровне» в стенах Петербургского университета.

Воспоминания бывших студентов Куторги несут на себе отпечаток того восхищения, с которой был встречен в университете молодой профессор; о нём уже шла слава как о передовом преподавателе и либерале, что не могло не импонировать студентам. После первых восторгов наступила пора рабочих будней, и тут оказалось, что у некоторых, не самых радивых школяров, привыкших к безмятежной жизни на лекциях прошлых лет, необыкновенная ученость молодого преподавателя порою вызвала раздражение. Один из них пенял впоследствии Куторге на то, что тот, хотя ему был хорошо известен невысокий уровень лингвистических познаний большинства первокурсников, на своих лекциях постоянно потчевал их сентенциями на древнегреческом, латинском и даже готском языках, а немецких ученых цитировал, пользуясь чисто-германским произношением, а в России тогда в ходу по преимуществу было остзейское (А.Ч. Петербургский университет полвека тому назад. С. 140). Тем не менее, большинство студентов преклонялись перед преподавателем, и лекции Куторги были необыкновенно популярны: аудитория была всегда наполнена и часто переполнена слушателями, внимавшими лектору в благоговейной тишине – «раздавался лишь внятный голос профессора, да слышался скрип перьев». Куторга не терпел ни малейшего шума и при малейших его признаках в аудитории немедленно прекращал занятие.

Студентов привлекала в первую очередь манера чтения Куторгой лекций: «речь его была плавная, выработанная, нередко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками вроде объяснения чудес Моисея естественными причинами» (Там же. С. 139). Но главным

было не то, что Куторга обладал ценным педагогическим даром увлечь и развлечь своих слушателей, – наконец-то в университетской аудитории из уст молодого преподавателя «послышалась строгая наука», как говорит один из первых слушателей Куторги, впоследствии профессор греческой литературы в Петербургском университете Г.С. Дестунис. Лекции, к которым молодой преподаватель тщательно готовился (это чувствовали и студенты), излагались «просто, сжато, ясно и систематично», упор делался на внутреннем развитии государства. Куторга настаивал на необходимости изучения истории по источникам, критически их оценивая, знакомил студентов со сборниками хроник и документов, учил привлекать современную научную литературу – словом, делал то, что теперь делает любой преподаватель и научный руководитель, и что по тем временам было новшеством, не имевшим ничего общего с методами преподавания его предшественников по кафедре. Сначала он читал древнюю, средневековую и новую историю в более или менее полном объеме, впоследствии он нередко ограничивался наиболее интересными «проблемными» эпохами – кризисными, переходными, переломными. Так, из греческой истории он читал обыкновенно классический период – V и IV века до н.э., а из римской – первые два века существования республики, борьбу патрициев и плебеев; в курсе средневековья упор делал на образовании и развитии феодальной системы. В последующие годы преподавания в университете Куторга читал и историософский курс «Введение в Науку истории».

Важнейшим результатом преподавательской деятельности М.С. Куторги явилось появление в Петербургском университете первой исторической школы – школы Куторги, или петербургской исторической школы. Преподавание Куторги, привлекая студентов, побуждало их к самостоятельным занятиям. Чтобы укрепить и поддержать эту тягу к науке, Куторга с конца 40-х гг. завел у себя дома для особо интересующихся и «продвинутых» студентов вечерние беседы, или занятия. Эти Куторговы «семинарии» и стали питомником петербургской исторической школы. На них, по воспоминаниям В. Бауэра, профессор и его гости занимались разбором и обсуждением тех или иных исторических проблем; студентам давались темы для самостоятельной исследовательской работы, результаты которой потом коллективно обсуждались, и т.п. Усилия Куторги не пропали даром: некоторые из трудившихся в его семинаре заняли впоследствии исторические кафедры в университете, но даже те, кто впоследствии избирал себе иные специальности, обязан был Куторге строго-научным направлением собственной исследовательской деятельности.

Принципы научного метода, внушаемые Куторгой своим ученикам: научность, строгость изложения, обоснованность выводов, опора на источники – сделались впоследствии *symbolus fidei* научного направления, восходящего к Куторге, которое мы можем с полным правом называть петербургской исторической школой; для неё Куторга стал нечто вроде гоголевской «Шинели», из которой все мы вышли.

**«Вечерние беседы» и их роль в становлении
научной школы М.С. Куторги**

М.С. Куторга был не только прекрасным лектором, глубочайшим знатоком античности, профессионалом своего дела, но и *Учителем*. Он настаивал не на воспроизводстве учениками уже готового знания, а на самостоятельном вдумчивом исследовании ими источника, что единственное и позволяет сформировать собственное видение проблемы. С целью введения молодых людей в науку Куторга стал проводить у себя на дому неформальные встречи или «вечерние беседы» (по выражению В.В. Бауера), где знакомил студентов с «методом научных занятий, с требованиями научного исследования» (Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216).

Куторга был убеждён в том, что критический метод исследования необходимо усваивать именно на основе античной традиции. Причём, требовалось чтение источников только на древних языках, что способствует более вдумчивому, внимательному изучению классических авторов, а также постижению их менталитета. Отчасти по этой причине не каждый студент мог попасть на квартиру к Куторге. Показателен пример с Н.А. Арбузовым, вольнослушателем Петербургского университета конца 40-х гг., которому профессор посоветовал вообще не приступать к занятиям историей до тех пор, пока не будут освоены древнегреческий и латынь (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 55. Л. 85–85об).

Интересна методика работы М.С. Куторги с учениками в ходе «вечерних бесед». Она не является его собственным изобретением, а представляет собой заимствование у немецких профессоров. Учитель заранее перед каким-либо студентом ставил проблему из области античной истории. Вариант её решения обсуждался на квартире у профессора, причём нередко происходили бурные споры. Возможность высказаться, изложить аргументировано свою точку зрения была у каждого. Куторга, несмотря на свой вспыльчивый характер, терпеливо высушивал даже те мнения, которые расходились с его точкой зрения. Однако это вовсе не означает, что обсуждение велось хаотично, и каждый в итоге оставался при собственном мнении. Мэтр старался направить спор с помощью наводящих вопросов в «верное» русло. По всей видимости, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя.

Подробную информацию о ходе «вечерних бесед» мы получаем из писем П.И. Люперольского. В 60-х гг. XIX в. по поручению министра народного просвещения А.В. Головнина М.С. Куторга занимался с 3 магистрантами. Встречи с Куторгой осуществлялись у него на дому два раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные

ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (или глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы (т.е. знакомство с зарубежными работами по теме). При этом мэтр был всегда строг, но справедлив, не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих наработках по избранной теме диссертации (ОР РНБ. Ф 410. № 46. Л. 1–2). Отчёты о своих научных занятиях ученики предоставляли и в письмах в случае, если они не имели возможности общаться лично с учителем. Обычно это случалось летом, когда Куторга, освободившись от лекций в университете, уезжал в своё имение в Могилёвскую губернию.

Люперсольский с огромным уважением к своему учителю вспоминает эти занятия: «Я всегда буду памятовать и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет» (Там же. Л. 4 об.).

Дискуссионным является вопрос о времени организации «вечерних бесед». Большинство исследователей творчества М.С. Куторги (С.Н. Валк, А.С. Шофман, А.Д. Константинова, Э.Д. Фролов) говорят о конце 40-х гг. XIX в., опираясь на указанное выше сочинение В.В. Григорьева. Отметим, что статья о Михаиле Семёновиче, помещённая в нём, была написана его учеником профессором В.В. Бауером. В литературе имеется и другая точка зрения относительно начала проведения неформальных встреч со студентами – 1839 г. Она принадлежит некоему В.Б. (В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея учёной деятельности М.С. Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССХХVI. Апрель. С. 62). Думается, что под этими инициалами скрывается В.В. Бауер. Из этого следует, что почти через полтора десятка лет после выхода монографии о Петербургском университете автор изменил свою точку зрения. Попытаемся разобраться в причине этого. Студенческие годы Бауера относятся к 50-м гг. XIX в. К этому времени о школе Куторги можно говорить как о сложившемся явлении: авторитет учителя в научной среде достаточно высок, под его руководством было защищено 3 магистерских (В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич, Н.А. Астафьев) и 1 докторская диссертация (М.М. Стасюлевич), ученики себя позиционировали именно как научное сообщество, во главе которого находился их любимый профессор всеобщей истории Михаил Семёнович. Следовательно, Василий Васильевич не мог наблюдать процесс складывания школы Куторги, и всю информацию

об этапе её становления он мог почерпнуть из личных бесед с очевидцами, на глазах которых этот процесс происходил. Хороший повод окунуться в прошлое, вспомнить, как всё начиналось – юбилей. В 1882 г. в усадьбе Борок с размахом отмечалось 50-летие научной деятельности М.С. Куторги. Вероятно, именно здесь и прозвучала дата 1839 г. как начало «вечерних бесед». Позже она была помещена в статью В.В. Бауера 1883 г.

В нашем распоряжении имеются также и другие сведения, указывающие на раннюю дату начала проведения неформальных встреч мэтра с его учениками. А.А. Чумиков, студент второй половины 30-х гг., в воспоминаниях отмечает тот факт, что Куторга был едва ли не единственным профессором в Петербургском университете, который «частным образом» руководил ограниченным количеством слушателей в их занятиях историей (Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 377). По всей видимости, эти неформальные встречи не принесли желаемого Куторгой результата – никто из подопечных после окончания учёбы не посвятил себя науке. Возможно, это связано ещё и с тем, что с 1838 г. Михаил Семёнович преподавал всеобщую историю только лишь юристам. В начале же 40-х гг. он начал читать лекции на первом (филологическом) отделении философского факультета. Кроме этого, в 1842 г. ему было поручено проводить педагогические занятия по истории, географии, статистике с казённокоштными и другими пенсионерами, готовящимися к учительскому званию (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4336а. Л. 401). Именно с этим временем, по нашему мнению, следует связывать начало формирования школы Куторги. Первый питомец её – В.М. Ведров – в 1848 г. защитил магистерскую диссертацию «Жизнь афинского олигарха Крития». Поступил же он в университет в 1842 г.

Таким образом, реально зарождение школы М.С. Куторги можно относить к началу 40-х гг. XIX в. «Вечерние беседы» мэтра с его учениками, в ходе которых происходило возвращение нового поколения исследователей путём передачи профессионального опыта и мастерства, знаний и ценностей от мэтра к воспитанникам, послужили основой для формирования этого научного сообщества.

В.А. Филимонов (Сыктывкарский ГУ)

**М.С. Куторга и Н.И. Кареев:
коммуникативная специфика и трудности верификации**

В рамках схолярных исследований последних лет четко обозначилось проблемное поле, связанное с изучением межличностных коммуникаций как внутри научной школы, так и за ее пределами. Значимым сегментом этого поля становится исследование линии учитель – ученик, по-

звolyающее выявить элементы преемственности, проследить и уточнить тенденции в развитии российской исторической науки.

В докладе анализируются взаимоотношения выдающихся российских историков М.С. Куторги (1809–1886) и Н.И. Кареева (1850–1931), степень и характер влияния первого на второго.

Опираясь на мемуары Кареева «Прожитое и пережитое», большинство исследователей его творчества ограничиваются констатацией факта слушания им лекций Куторги по древней истории при прохождении курса в Московском университете. Насколько и в какой мере Кареев сам ощущал себя учеником Куторги? Первым по времени упоминанием о Куторге являются включение его трудов («История Афинской республики», «Критические замечания о законодательстве Клисфена», и «Персидские войны») в «Указания на литературу по истории Греции и Рима», составленные Кареевым для 2-го (1886) издания «Введения в курс истории древнего мира». В рецензии на эту книгу В.И. Модестов пояснял, что Карееву как «питомцу московского университета, известны некоторые сочинения московских профессоров», в том числе «Куторги, окончившего свою карьеру в московском университете».

В статье «Разработка теоретических вопросов исторической науки» (1890) Кареев, сетуя на то, что историки редко затрагивают теоретические вопросы, называет Куторгу в числе немногих исследователей, кто хоть раз высказывал «свою научную *profession de foi*», указывая на его статью «Историческое развитие понятия истории». В 1899 г. в 55 полутоме «Словаря» Брокгауза и Ефрона, в статье «Историческая наука в России» Кареев называет Куторгу «первым русским ученым, посвятившим себя самостоятельной разработке всеобщей истории».

Единственную ссылку на сочинение Куторги («История Афинской республики») мы обнаруживаем у Кареева в типологическом курсе «Государство-город античного мира» (1903). Он обратил внимание на то, что Куторга, писавший «еще в те времена, когда историческая наука очень мало интересовалась социально-экономическими вопросами», отметил и проанализировал факт борьбы, шедшей между прогрессивно-демократической и консервативно-аристократической партиями по вопросу о будущем («аграрийном» или «торгово-промышленном») характере афинской демократии.

В 5-й главе («В Московском университете») воспоминаний Кареева «Прожитое и пережитое» Куторге уделено 1,5 страницы. Хотя профессор представлен здесь как «своего рода *figura comica*», мемуарист отметил главное: «Куторга был одним из первых в России всеобщих историков, работавших самостоятельно и по источникам».

Последний раз о Куторге Кареев написал в «Отчете о русской науке» (1927), отмечая, что из «российских «"всеобщих историков"» действительное значение имеют работы М. Куторги».

Рефлексия Кареева относительно Куторги сосредоточена в мемуарах, и этот текст должен объяснить как степень и характер влияния учителя на ученика, так и те положительные в целом оценки, которые дал Кареев в указанных нами немногочисленных высказываниях. Трудность интерпретации состоит в том, что Кареев напрямую о каком-либо влиянии не заявляет, напротив, в тексте зафиксированы факты, которые формально должны были способствовать негативной оценке Куторги, на деле же эти сведения никак не мешают созданию в целом положительного образа профессора-антиковеда. Так, Кареев указывает, что Куторга «уже будучи стариком, перешел в Московский университет из Петербургского, где преподавал до того времени более тридцати лет», но умалчивает о скандальном характере этого перехода, вызванного студенческой обструкцией и неизбранием на следующее пятилетие. Далее мемуарист сообщает, что «в студенческой среде распространилась молва, что Куторга был ставленником Леонтьева (а следовательно, и Каткова), так что его заранее невзлюбили». Известно отрицательное отношение Кареева к деятельности Каткова и Леонтьева, посвященные им страницы мемуаров имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Не удостоились высоких оценок Кареева и другие университетские профессора-классики – Г.А. Иванов, Ю.К. Фелькель, И.Х. Вибберг. Иное дело – Куторга. Кареева не смущает ни мнимая или подлинная принадлежность его к катковско-леонтьевской партии, ни то, что «это был человек трудный по крайне щекотливому самолюбию», ни то, что он советовал «читать только древних авторов», а из новейшей литературы только его собственные труды, ни то, что тот «педантически требовал» рейхлиновского произношения при чтении греческих текстов. Доминантой мемуарного сюжета о Куторге является реплика Кареева: «Лекции его мне понравились...». Следует добавить, что на III курсе Куторга читал студентам-историкам курс исторической критики, в котором знакомил их с основами источниковедения и методологии истории, а на IV курсе Кареев занимался в его семинарии, где выполнил реферат, посвященный истории г. Трикка, заслуживший похвалы профессора.

Тому, что Кареев не стал историком-классиком, способствовало несколько обстоятельств. На младших курсах сфера его научных интересов была сосредоточена не на истории, а на сравнительном языкознании, мифологии, фольклоре и древней русской литературе. Одним из внешних факторов перемены своей научной ориентации от лингвистики к истории Кареев называл начавшееся со второго курса (1870) преподавание профессора В.И. Герье. Однако Куторга был первым профессиональным историком, встретившимся на жизненном пути Кареева и, на наш взгляд, именно лекции Куторги подготовили почву для такой перемены, поэтому гипотетически существовала альтернатива выбора Кареевым научной специализации по древней, а не по новой западноевропейской истории. Другое дело, что Куторга не объявлял набора учеников и это связано, на наш взгляд, с его положением в Московском университете (первый год

преподавания после Петербурга), почтенным возрастом и научной командировкой в Грецию в 1870 г. Не следует сбрасывать со счетов и разочарование почтенного профессора в студенчестве в целом и в своих петербургских учениках, в частности, ибо одни (Н.А. Астафьев, В.В. Бауер, В.Г. Васильевский, В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич) после защиты магистерской диссертации оставили занятия античной историей, другие, хотя и стали антиковедами (П.И. Люперольский и Ф.Ф. Соколов), примкнули к историко-филологическому направлению и поэтому не могут в полной мере считаться продолжателем «линии Куторги».

Известно, что предметом научных интересов Куторги была история древней Греции, в частности, широкой известностью пользовались его сочинения по политической истории Афинского государства, в которых он обращал внимание и на связь политических изменений в государстве с его социально-экономическим и культурным развитием. Общий взгляд Куторги на характер и значение политического творчества древних греков выразился в признании греческой гражданской общины высшим государственным строем, откуда по его словам вытекали две идеи, которые «доставили эллинам всемирно-историческое значение» – идея свободы гражданина и идея свободы мысли без которых невозможен никакой общественный прогресс. Как ученый, Куторга отличался философским, синтезным складом мышления, его интересовали теоретические проблемы исторической науки. Конечную цель исторического исследования он видел в выяснении общего хода всемирной истории, ее движущих факторов, поиска закономерностей в смене одних исторических эпох другими.

В этом смысле Кареев в большей степени, чем кто-либо из учеников Куторги, может считаться продолжателем его «линии» в исторической науке. Анализ работ Кареева по античности («Введение в курс истории древнего мира», «Государство-город античного мира», «Монархии древнего Востока и греко-римского мира») позволяет обнаружить в них явную и скрытую переключку с трудами Куторги.

С.И. Муртузалиев (Дагестанский ГУ, Махачкала)

Болгария XV–XVI веков в исследованиях первого периода научной деятельности В.И. Григоровича

Болгарская история XV–XVI вв. была объектом научных интересов В.И. Григоровича в начальный период его научной деятельности (1831–1843 гг.). В 1841 г. вышел в свет его первый печатный труд «Краткое обозрение славянских литератур» (Казань). В 1842 г. в Казанском университете Григорович защищает магистерскую диссертацию, опубликованную под названием «Опыт изложения литературы словен в её главнейших эпохах» (Казань, 1843).

В этой работе автор затрагивает проблему последствий османского завоевания для болгарского народа. Он пишет: «Владычество Турок подавило всю самобытность Болгарии. Скучная литературная деятельность прозябала только на севере ея...». Однако «угнетенные бедствием нового рабства... Булгары находились в непрерывной связи с Русскими, сообщали им свои умственные запасы, посильно участвовали в общем деле православия..., взаимно содействуя в нравственном развитии». В период с XV до XVII вв. славяне «представляют нравственную свою деятельностью обширную драму борьбы», в которой, «сознание важнейших религиозных вопросов было едва ли не существенным мотивом». Работа отразила романтический характер миропонимания Григоровича, носила теоретико-умозрительный характер, за что была подвергнута критике П.И. Прейсом.

Григорович был единственный из своих коллег по науке (Прейс, Бодянский, Срезневский), кто начал преподавать болгарский язык еще до заграничной командировки. Об интересе Григоровича к Болгарии еще до путешествия по ней свидетельствует анализ рукописи ученого «Болгаре в этнографическом отношении». Григорович не только глубоко изучил труды отечественных, болгарских и западноевропейских авторов, но и более обстоятельно, чем в работах российских славистов 30–40-х гг. XIX в. рассматривал вопросы социального угнетения болгар турками, систему взимания церковных поборов в пользу Константинопольской патриархии, гайдучество как форму народной борьбы.

Таким образом, выбор Болгарии в качестве основного объекта изучения в период научной командировки 1844–1847 гг. на Балканы был не случаен. «Основываясь единственно на том, что каждая новая строка об этом народе может иметь какую-нибудь ценность, я беру на себя смелость думать, что и этот мой труд не будет совершенно бесполезен...», – писал Григорович.

Придавая большое значение религиозным «началам» и «стихиям» в развитии славян, ученый планировал во время путешествия «изучить главнейшие произведения каждой эпохи и при этом не упускать из виду знакомства с историческими событиями в жизни народов. В этом последнем отношении, рассматривая религиозное развитие словен, как условие развития их литературы, желал бы вникать в такие памятники, которые, при всей своей важности, не изданы или по редкости не приобретены». Григорович подчеркивает, что в этом ряду источников: «Памятники XV и XVI ст. должны занять главное место» в его изысканиях.

Во время путешествия желание слависта частично осуществилось. На Афоне он обнаружил рукопись «Житие Григория нового мученика». В Рильском монастыре на правой стене церкви, он прочел «...ст. Георгий Софийский и прч.». Совершенствуясь в знании болгарского языка у Неофита Рильского, ученый работал над сборниками Владислава Грамматика, а ученики Неофита переписали один из них для Григоровича.

В трудах отечественных и болгарских ученых довольно обстоятельно освещены многие вопросы, связанные с путешествием Григоровича по Болгарии. Но никто не занимался выяснением вопроса, что нового внес Григорович в освещение истории Болгарии XV–XVI вв., тех самых столетий, памятники которых привлекали особое внимание ученого.

Ответ на этот вопрос дают две работы слависта: «Изыскания о славянских апостолах, произведенныя в странах Европейской Турции» (1847) и «Очерк путешествия по Европейской Турции» (1848). Публикации были осуществлены наспех, в работу вкралось много ошибок и опечаток, поэтому мы привлекли и второе издание (М., 1877) этого труда ученого.

Переходя к анализу содержания книги, отметим один из методов работы путешественника, а именно – стремление изучить сведения «из первых рук». Анализ первого и второго издания книги Григоровича показал отсутствие какого-либо целостного изложения болгарской истории. Сюжеты по истории Болгарии XV–XVI вв. разбросаны по всему тексту, но мы систематизировали их по трем тематическим блокам: чисто историческая, конфессиональная и фольклорная.

К первой группе относится сюжет о Тырново, который, «по народным сказаниям, после завоевания... (1396) лишился всего своего народонаселения. Турки, покорив город, заняли все важные пункты его; и потому живут во всех частях города, а христиане лишь вне центра его, около возвышения. После взятия города, важнейшие его храмы превращались постепенно в мечети; но достояния своего лишились, кажется, и не от одного только турецкаго влияния...». В «Прибавлениях» к своей книге Григорович упоминает «сына болгарского царя Страцимира, Констандина, умершаго в Белграде, в 1422 годе».

Вторая группа сюжетов самая многочисленная. Сюда относится упоминание о Рильском монастыре, который «после падения Болгарскаго царства, ...испытывал много превратностей, сохранившихся в темном только предании». Два следующих сюжета посвящены монастырям Афона, в связи с чем автор упоминает болгарские монастыри, говорит о разорении их в XV в., о причине получения некоторыми монастырями особых «преимуществ». «Еще до взятия Константинополя и покорения Солуны девятнадцать монастырей добровольно подчинились покровительству султана» турецкого. «Это подчинение... доставили монастырям преимущества, которыми до сих пор пользуются».

Интерес к вопросам религиозной жизни славян привлек внимание ученого к болгарам-католикам, которых, как ему сказали, называют павликианами. Попытки выяснить их историю успеха не имели, поэтому он пишет: «О начале имени Павликиан духовные также ничего не знают, как и прочие жители. Известно, что уже в XI и XII столетиях в Филлиппополе господствовала секта гностиков Павликиан, водворенных издавна в Болгарии под именем Богомилов. ...Вообще причины распространения западного исповедания у Болгар весьма темны».

Григорович отметил отрицательные последствия подчинения православных болгар греческому клиру. Грабительская политика турок, «этих непременных виновников всех лишений» христиан и политика греческих фанариотов, привели к тому, что болгары постепенно «сделались предметом презрения других племен». Болгары «теряли чистоту религиозного сознания от совершенной невозможности иметь собственных» духовных наставников. Григорович убежден в том, что «только пастыри природные» – из среды самих болгар – способны «понимать нужды своей паствы и чистосердечно содействовать ее просвещению».

К «фольклорной» группе сюжетов относятся наблюдения Григоровича по эпическому творчеству болгар. Ученый сообщает, что, согласно народным преданиям, на одном из семи холмов Пловдива находится могила Марко Королевича. «Нет песни, в которой бы он не был, если не герой, то непременным действователем». Славист справедливо выражает сомнение в подлинности сказания о захоронении Марко на одном из холмов Пловдива. Заслуживает внимания замечание Григоровича по поводу того, что «на действительной сцене господства Марка-кравевича, в прилепском поле, народ поминает его бранчливо, приговаривая всегда он был де зулумджия (наездник, пакосник)». Отметив популярность Марко в болгарском и сербском фольклоре, Григорович ошибочно считал, что болгары «не столь богатые как Сербы народною поэзиею». Ошибка ученого, как и большинства славистов того времени, происходила из того, что к середине XIX в. степень изученности болгарского фольклора значительно уступала сербскому эпосу.

Публикация «Очерка» явилась результатом поспешной обработки официальных донесений путешественника с целью ознакомления с ними славистов и заинтересованных кругов российского общества. Григорович был недоволен книгой и готовил новое доработанное издание, но экземпляр с его собственноручными многочисленными дополнениями пропал.

В 40-х годах XIX в. Григорович был фактически единственным ученым, серьезно занимавшимся болгарскими источниками, определенную часть которых сумел ввести в научный оборот.

Ш.С. Хамматов (Казанский ГТУ)

Средневековая тематика в творчестве ученых-юристов Казанского университета во второй половине XIX века

Заметный поворот в сторону историко-правовой тематики среди ученых-юристов связан с введением университетского устава 1835 года. Правовые науки, утратив философский характер, опирались на юридическую базу – кодифицированное законодательство. Эта база определила два новых направления университетского правоведения – историко-правовое и преднормативно-догматическое. Этот переворот во взглядах

на задачу юриспруденции совпал с изданием Свода Законов Российской империи, и, разумеется, с ним связан возникший интерес к историческим исследованиям права, а также к дополнению исторических данных законодательства, в особенности русского. Изучение отечественного законодательства стало соединяться с изучением его истории на базе сравнительно-исторического правоведения, что было, несомненно, прогрессивным научным явлением, поскольку обращало внимание на исторические основы существования каждого государства. Богатый материал в изучении тех или иных юридических проблем, казусов можно было почерпнуть в истории средневековья.

В Казанском университете во второй половине XIX в. было опубликовано несколько работ ученых-юристов, близких средневековой проблематике. Это «Историко-критическое исследование пауперизма» Е.Г. Осокина, «Семейные власти у славян и древних германцев» С.М. Шпилевского (ей предшествовала книга того же автора «Союз родственной защиты у древних германцев и славян»), «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому и государственному устройству» Н.К. Нелидова, «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» Н.П. Иванова, и «Исследования по истории учреждений в Закавказье» (Ч. II. Городские цехи) С.А. Егиазарова. Первым ученым, выпустившим солидный труд по историко-правовой тематике, был Е.Г. Осокин (1819–1880). В 1845 г., после заграничной командировки, он был назначен в Казанский университет на должность адъюнкта по только что учрежденной кафедре законов о государственных повинностях и финансах; в 1846 г. защитил диссертацию на тему «Историко-критическое исследование пауперизма». По оценке современников, содержание работы является результатом изучения вопроса пауперизма во Франции на основе теории Симонди. Автором излагаются экономические теории, широко распространенные на Западе. Докторская диссертация «Внутренние таможенные пошлины в России» была защищена в 1849 г.

К истории древних германцев обращались в своих диссертациях Н.К. Нелидов (1832–1888) [магистерская диссертация «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому государственному устройству», защищена в 1868 г.] и С.М. Шпилевский (1833–1907) [магистерская диссертация «Союз родственной защиты у древних германцев и славян» (1866); докторская диссертация «Семейные власти у славян и древних германцев» (1870)]. Интерес к этому периоду объясняется учеными следующим образом: Н.К. Нелидов, исследуя постепенное развитие государственного устройства в Западной Европе, решает рассмотреть политический быт древних германцев, т.к. считает, что из него вытекли сначала средневековое вотчинное, феодальное устройство, затем абсолютистское, с его отличительным полицейским характером и, наконец, современное конституционное государство (Нелидов Н.К. Обзор не-

которых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому и государственному устройству. Казань, 1868. С. 3-4). С.М. Шпилевский, поднимая вопрос о родовом быте как первоначальной форме общезжития в приложении к истории германских и славянских народов в магистерской работе и представляя подробную характеристику семейных властей у германцев и славян во всем их разнообразии и тождестве в докторской, рассматривает в качестве предмета изучения «древность», «первобытность», поскольку видит в них главную причину сходства явлений, когда славяне и германцы представляли много между собой общего (Шпилевский С.М. Семейные власти у славян и древних германцев. Казань, 1870. С. 4). Но разработка данной тематики не получила в творчестве ученых дальнейшего развития. В 1874 г. Нелидов защитил в Казанском университете докторскую диссертацию на тему: «Юридические и политические основания государственной службы», а лучшей работой С.М. Шпилевского, получившей премию Императорской Академии наук, является «Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (1877); за труды по археологии он был награжден большой золотой медалью Императорского Русского археологического общества.

Научное наследие Н.П. Иванова (1839–1903), окончившего Казанский университет в 1860 г. и оставленного для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права, включает лишь две работы: его диссертация *pro venia legendi* и магистерская диссертация. Диссертация *pro venia legendi* «Основания частной международной юрисдикции» посвящена международному частному праву, она дает основание считать Н.П. Иванова основателем науки международного частного права в России. Она также была первой работой в отечественной науке международного права, где дана самостоятельная теория коллизионного права.

Магистерская диссертация Н.П. Иванова задумана была широко: «О значении права войны в связи с общим понятием о международных отношениях». Выполнена лишь часть ее (Вып. 1) – «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии». Для выяснения юридического значения войны, считал Н.П. Иванов, необходимо предварительно установить, по возможности, точное понятие о самой природе международных отношений и международного права, и добытые заключения проверить эмпирически посредством рассмотрения последовательного развития международных отношений во всемирной истории. Во второй главе исследования, посвященной истории международного права, делается попытка проследить постепенное развитие международных отношений с древнейших времен и до последнего времени. Здесь определенное внимание уделено развитию этих отношений в средневековье. Предложенная ученым схема средних веков к тому же в ракурсе международных отношений представляет несомненный интерес.

Особого внимания заслуживает докторская диссертация С.А. Егиазарова (1852–1914), выпускника Московского университета

(1880), в 1887–1892 годы читавшего лекции в Казанском университете. Она была посвящена городским цехам в Закавказье – амкарствам, являясь вторым томом в трилогии, которую задумал написать автор (в первом изучалась сельская община, ее внутренние распорядки с экономической и административной стороны, третий предполагал изучение истории внутреннего строя и управления закавказских городов). С.А. Егиазаров не отрицал большого влияния на организацию и внутренние распорядки средневековых цехов римской культуры и национальных особенностей германцев. Тем не менее он считал, что цеховая система отнюдь не является чисто западноевропейским явлением, и изучение закавказских амкарств может пролить новый свет на вопрос о происхождении цехов вообще. Изучая закавказские амкарства, С.А. Егиазаров путем сравнительного анализа приходит к выводу, что эти учреждения являются вполне аналогичными средневековым цехам, а также устанавливает, что амкарства существовали раньше XVII века, которым датируются сведения об их организации. При этом он ссылается на цехи в Европе, которые древнее своих статутов. В амкарстве религиозный момент был развит больше, чем в большинстве из средневековых цехов этого периода. В дальнейшем С.А. Егиазаров сосредоточился на истории права Закавказья.

Обращение профессоров-юристов в Казанском университете к средневековью свидетельствует о повышении статуса медиевистики, происшедшем во второй половине XIX века. Но следует признать, что оно носило единичный, несистематический характер, как правило, средневековая тематика фигурировала в магистерских или докторских диссертациях, при желании создать солидный труд. Несмотря на то, что в этих произведениях рассматривалась историческая тематика в юридическом аспекте, тем не менее, они, несомненно, вносили свой вклад в развитие медиевистики того времени, к тому же в них использовались источники, которые мало или вовсе не были задействованы историками.

Н. И. Недашковская (Казанский ГУ)

Славянская палеография и текстология в Казани (вторая половина XIX века)

В 1850–1890-е гг. в Казанской духовной академии разворачивался и был осуществлен значительный научный проект палеографического и текстологического изучения и описания собрания рукописей библиотеки Соловецкого монастыря. Современники и позднейшие исследователи отмечали большой объем и высокий научный уровень проведенного казанскими учеными разбора, описания, издания и исследования памятников этого собрания. Высокая оценка и неубывающая до настоящего времени актуальность этого труда вызывает вопрос о том, как, на каком методологическом и методическом фундаменте оказалась возможной его реализа-

ция, каково происхождение его общей концепции и что представлял собой выполнявший проект круг исследователей.

В 1855 г., в связи с открытием противораскольнического отделения в Казанскую духовную академию по постановлению Синода была доставлена Соловецкая библиотека, включавшая 1356 рукописей и 83 старопечатные книги. К первоначальному разбору библиотеки, составлению «реестров» были допущены студенты, в результате чего эта работа стала фактором, стимулировавшим формирование научных интересов начинающих исследователей и складывание группы единомышленников.

Для реализации проекта академическому сообществу не хватало научного метода, целого арсенала научных сведений, без которых невозможно изучать славянские рукописи и которые недостаточно преподавались в духовных учебных заведениях. Поэтому чрезвычайно важным событием в жизни академии стало приглашение в 1854 г. профессора Казанского университета В.И. Григоровича (1815–1876), последователя последователя акад. А.Х. Востокова для чтения славянской палеографии. Он согласился «безмездно» читать «славянскую палеографию и славянский язык (церковно-славянский – *Н.Н.*)» для младшего курса академии. Его лекции посещали многие «добровольные» слушатели из числа студентов старшего курса и бакалавров. Видя такую заинтересованность, Григорович отошел от поставленной задачи и прочел студентам сравнительную историю славянских языков. Кроме того, он охотно приглашал студентов академии к себе на квартиру для ученых бесед, позволял работать с принадлежащими ему источниками. Именно слушатели В.И. Григоровича составили рабочую группу проекта описания Соловецких памятников, а один из учеников, А.И. Лилов, по рекомендации профессора занял в академии уже в 1856 г. кафедру славянской палеографии.

Библиотекарем соловецкого собрания был назначен И.Я. Порфирьев. Под его руководством молодыми бакалаврами И.М. Добротворским, А.И. Лиловым, А.П. Щаповым, а также множеством добровольных помощников из числа студентов, был начат разбор памятников. К 1859 г. предварительная работа была завершена. Основной заслугой казанских ученых на данном этапе стала научная систематизация памятников, разделение их на отделы (книги светского и духовного содержания) и разряды (книги Св. Писания, «творения отеческие», «рукописи разнообразного богословского содержания», «рукописи богослужебные», «рукописи исторические» и др.). Не менее важна была и попытка атрибуции каждого памятника, что позволило выявить некоторые источники формирования русских монастырских библиотек.

Была продолжена работа по изучению владельческих, вкладных и охранительных надписей на рукописных книгах в контексте всей славянской палеографии, на основании чего исследователи смогли выявить корпус древнейших памятников (книги, собранные или переписанные в Новгороде по заказу игумена Досифея) и основные пути пополнения мона-

стырских книжных фондов (например, по дарственным или из собственности умерших монахов).

1860-е – первая половина 1870-х гг. – новый этап работы И.Я. Порфирьева с соловецкими памятниками. В эти годы окончательно формируется его академический курс, в особенности, первая часть «Устная народная и книжная словесность до Петра Великого», во многом построенная на материале соловецких рукописей. На основе этого лекционного курса была создана двухтомная «История русской словесности» (Ч. 1–2. Казань, 1870–1891) – одна из первых научных историй словесной культуры в России, до конца XIX века остававшаяся единственным пособием по русской словесности для университетов, духовных академий и средних учебных заведений и выдержавшая 9 изданий.

Особого упоминания заслуживает диссертация И.Я. Порфирьева на степень доктора богословия «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки» (1873), после успешной защиты которой ученый был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Она представляет собой уникальное соединение публикации памятников, сгруппированных по параллелям к каноническим книгам, сюжетам и центральным фигурам Ветхого Завета (сама подобная классификация не имела прецедента в отечественной науке) с их научным осмыслением. И.Я. Порфирьев проанализировал время и место создания апокрифов, пути их прихода на Русь, среду их «хождения», реконструировал возможные причины популярности, привлекая огромный сравнительный материал из истории русской и западной культур. В последние годы жизни ученый завершил работу над этой темой на материале новозаветных апокрифических сказаний.

В 1875 г. после ревизии академии Святейший Синод по представлению митрополита Макария ассигновал особую сумму для полного описания Соловецкой библиотеки. Была создана комиссия по описанию библиотеки во главе с профессором И.Я. Порфирьевым. Он составил программу описания рукописей и краткое обозрение истории и состава Соловецкой библиотеки, которые вошли в предисловие к первой части Описания (изд. в 1881 г.).

Согласно программе описание каждого памятника начиналось с подробной характеристики рукописи (формат, особенности материала страниц, размер и количество листов, переплет, почерк). Относительно самого сочинения прежде всего указывалось, оригинальное оно или переводное. Для переводных была необходима ссылка на подлинник и (при их наличии) изменения по сравнению с ним. Далее – по принятому правилу Ундольского – излагалось содержание по главам или отделам с обозначением начальных и заключительных строк, а также «важных и интересных мест» с соблюдением всех особенностей правописания памятников: титлов, сокращений, надстрочных знаков, старинной пунктуации и пр.

Затем указывались разночтения с другими известными науке изданиями или изданиями (если памятник издавался) с соблюдением тех же правил. Завершали описание сведения о всякого рода отметках на рукописи: приписках, в том числе раскольнического характера (сделанных во время знаменитой осады монастыря в 1668–1676 гг.), заметках писца, дарственных и владельческих надписях, и особенностях оформления: иллюстрациях, заставках, буквицах и т.д. Описание рукописей издавалось по мере подготовки в Приложении к журналу «Православный Собеседник», а затем вышло отдельными книгами.

Таким образом, прибытие в Казанскую духовную академию в 1855 году библиотеки Соловецкого монастыря стало событием, серьезно повлиявшим на развитие славяноведения в Казани. Систематизация, описание и изучение ее памятников стали тем большим научным делом, которое привлекло множество исследователей, объединило поколения, создало ситуацию особой востребованности ярких и крупных научных величин и позволило казанским ученым внести бесспорный вклад в развитие конкретных исследований в славяноведении и методов ряда его отраслей, прежде всего, славянской текстологии и палеографии.

А.А. Зорина (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Византизм в трактовках российских историков второй половины XIX века: Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков

Вторая половина XIX века характеризуется повышенным вниманием русского интеллектуального сообщества к истории Византийской империи, а также её отношений с Древней Русью. В рамках этой проблематики термин византизм активно использовался как профессиональными историками, так и политиками, церковными деятелями, философами, писателями. Однако он не имел общепринятой трактовки и зачастую приобретал полярные интерпретации (от уничижительных до хвалебных) в зависимости от личных взглядов авторов. Особенно эмоционально звучали оценки российских философов А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева. Более корректные формулировки предлагали отечественные византилисты, среди которых особенно интересны взгляды Ф.И. Успенского и А.П. Рудакова.

Главной задачей своей жизни основоположник российского византиноведения Ф.И. Успенский (1845–1928) считал создание обобщающего труда «История Византийской империи», в котором излагался ход всей византийской истории (СПб., 1913. Т. 1; Л., 1927. Т. 2. Ч. 1; М.; Л., 1948. Т. 3). По мнению ученого, византизм «есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы» (Т. 1. С. 47). Ф.И. Успенский считал, что византизм сформировался в результате слияния римского начала с

иудейской, персидской и эллинской культурами, т.е. он представляет собой совокупность всех компонентов, приведших к превращению Римской империи в Византийскую. Византизм проявляется в особом складе верований и политических учреждений, а также сословных и земельных отношений. Становление византизма происходило под влиянием германской и славянской иммиграции. Основные черты византизма, считает Ф.И. Успенский, «установились к VIII веку и нашли свое воплощение в следующих признаках: 1) в постоянной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим или, собственно говоря, византийским; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; 3) в оригинальном характере развития искусства и в появлении новых мотивов, влиявших на создание новых памятников, равно как в своеобразных чертах литературных произведений, где вырабатывается постепенно новый и оригинальный метод под влиянием восточных культурных преданий и образцов» (Там же. С. 40).

Итак, византизм понимается Ф.И. Успенским как совокупность характерных черт византийской цивилизации. Это сложная система объединяет политические, экономические, идеологические компоненты, а также особенности в области литературы и искусства. Византизм прошел длительный период становления, формировался в результате синтеза и взаимовлияния античного (греческого и римского), варварского, восточного начал. Он оказывал воздействие на различные стороны жизни сопредельных с империей территорий. Поэтому расширение знаний о Византии Ф.И. Успенский считал обязательным не только для нужд русской науки, но и для решения политических задач, стоявших перед Россией в конце XIX столетия, а также для роста национального самосознания.

Необходимость в изучении византизма отчетливо осознавалась византистами «второго поколения» (В.Э. Рогель, А.П. Рудаков, Х.М. Лопарев, В.Н. Бенешевич, С.А. Жебелев, А.А. Васильев). А.П. Рудаков (1886–1940), воспитанник Московского университета, представитель историко-культурного направления отечественной византистики, известен как автор книги «Очерки истории византийской культуры по данным греческой агиографии» (СПб., 1997), в которой впервые использовал обширный агиографический материал для реконструкции социальных, экономических, бытовых реалий византийской цивилизации.

Новаторство А.П. Рудакова состояло в обращении к исследованию культурного развития Византии, что актуализировалось тем, что «понимание цельной, гармоничной старорусской культуры, проникновение в ее особый благообразно-прекрасный стиль немислимо без знания ее прототипа. Изучая “византизм”, мы, русские, все время как бы чувствуем себя дома, как бы углубляем свое самопознание, как бы восходим к истокам своих родных ключей...» (С. 27). Насущной

потребностью византиноведения А.П. Рудаков называл разностороннее изучение византизма, то есть характерных черт византийской цивилизации. Для этого следовало выяснить «долю участия в образовании византизма каждой из предшествующих культур, взвесить причины его тысячелетней устойчивости, оценить всемирно-историческую роль Византии, как монархии, самой своей косностью хранившей для человечества высшие религиозные, политические, социальные, образовательные и эстетические достижения древности» (С. 30).

Принципиальной особенностью научного подхода А.П. Рудакова является внимание к мировосприятию византийцев. Обозначая этот подход как «психологический», историк подчеркивал, что византизм был подлинно мощной преломляющей средой, в которой человеческая личность искажалась в определенный культурно-исторический тип. Изучение этого типа, в свою очередь, невозможно без знания образа жизни, нравов, бытовых реалий, без проникновения в дух и характер византийского литературного и художественного творчества. А.П. Рудакову удалось показать, что византийская цивилизация представляла собой иной вариант развития общества, во многом отличный от западного. Византилисты второй половины XX века (Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева), оценивая творческое наследие исследователя, указывают, что своей установкой на уяснение культурно-исторического типа он приблизился к современным постановкам проблемы византийского менталитета, выявления основных устойчивых его характеристик и особенностей.

Обозначим также яркую интертекстуальную параллель. Термин «культурно-исторический тип», используемый А.П. Рудаковым, активно применялся авторами концепций культурно-исторической монадалогии (Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым). Философы интерпретировали его как некую социокультурную целостность, проходящую в своем развитии несколько стадий, выделяемых по аналогии с жизнью живого организма. Подобная биологизация в построениях А.П. Рудакова отсутствует, его представление о статичности византийской цивилизации не переключается с теорией циклических ритмов. Вместе с тем и его подход предусматривает взгляд на византийский культурно-исторический тип как на уникальную историческую единицу, устойчивую цельную структуру, нигде не повторенную.

А.П. Рудаков, как и К.Н. Леонтьев, считал возможным говорить о влияниях и заимствованиях, так называемом синкретизме или слиянии разнородных элементов в один общий культурный тип. Именно эта предрасположенность к диалогу, по мнению А.П. Рудакова (в отличие от рассуждений Н.Я. Данилевского об изоляционизме культурно-исторических типов), объясняет, почему византийская «культура, являвшаяся синкретизмом Востока, эллинизма и Рима... легла в основу национальной веры и мысли в России» (С. 29).

Таким образом, в трактовках Ф.И. Успенского и А.П. Рудакова термин византизм аккумулировал в себе основные черты византийской цивилизации. Ф.И. Успенский больший акцент делал на политические, социально-экономические и идеологические элементы этого феномена. А.П. Рудаков особо выделял культурологические и психологические компоненты. Оба исследователя избегали резких эмоциональных характеристик, они систематизировали и анализировали составные элементы византизма, прослеживали механизмы его возникновения, но при этом не стремились к однозначным оценочным формулировкам – хорош византизм, или плох. Для них он, в первую очередь, являлся объектом изучения. При этом византизм отнюдь не рассматривался как отвлеченная, искусственно сконструированная категория. Напротив, он был интересен именно потому, что показывал пример явления, возникшего на базе нескольких предшествующих культур, прошедшего чрезвычайно сложный и длительный исторический путь, и оказавшего интенсивное воздействие на самые разные стороны русской жизни.

В.Р. Блиев (Омский ГУ)

**Актуальная Византия: дореволюционная историография
о государственно-церковных взаимоотношениях в Византии
в контексте российской общественно-политической жизни
второй половины XIX – начала XX вв.**

Проблема государственно-церковных отношений в Византии относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Во многом это связано с тем, что взаимоотношения церкви и государства в Византии часто рассматриваются исходя из отечественного опыта государственно-церковного взаимодействия, так как первые нередко воспринимаются как источник и/или пример для подражания. Традиции такого подхода к изучению данной проблемы были заложены еще при становлении отечественной византистики во второй половине XIX века, когда вопросы реформирования государственной политики по отношению к церкви приобрели особенно острое звучание из-за своей общественно-политической и социальной актуальности.

Представляется возможным отметить определенную связь между появлением различных подходов в научно-историческом сообществе к изучению отмеченной проблемы и изменениями в церковно-публицистической мысли под влиянием серьезной перестройки государственно-церковных взаимоотношений в Европе и изменениями во внутривнутриполитической ситуации в Российской империи.

В отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв. следует различать три подхода к рассмотрению церковно-государственных отношений в Византии. Согласно первому, сущность

этих отношений характеризуется концепцией цезарепапизма, которая имела отличное от современного понимания этого термина содержание. Сторонники этой теории полагали, что, не смотря на канонический и законодательно оформленный принцип независимости церкви от государства, светская власть постоянно вмешивалась во внутрицерковные дела, стремясь поставить церковь под свой контроль. Первым с данной трактовкой византийской модели церковно-государственных отношений в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. выступил доктор богословия и заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского университета И.Е. Троицкий (1832–1901). Впоследствии похожие идеи озвучивались В.В. Болотовым, А.П. Лебедевым, Ф.А. Терновским и др. Нетрудно заметить, что появление этой концепции совпало с либеральными реформами Александра II, когда в церковной и светской околоцерковной публицистике поднялась волна критики в адрес синодальной системы управления церковью и актуализировались проблемы свободы совести. Также очевидно, что значительную роль в последующем развитии данного направления сыграл духовно-академический устав 1869 г., который создал совершенно особую научно-образовательную среду в духовных академиях и способствовал становлению церковно-исторической науки в целом и ее «критического» направления в частности.

Второй подход характеризуется идеей «симфонии» государственной и церковной власти в Византии. Его основоположник Ф.А. Курганов (1844–1920), заслуженный ординарный профессор Казанской Духовной академии и Императорского Казанского университета, на основе византийской канонической теории отношений между духовной и светской властью выдвинул концепцию, по которой византийская модель основывалась на идее союза и полного согласия духовной и светской власти, но при этом предполагала для каждой из властей определенную независимость.

Сторонники теории «симфонии» И.И. Соколов, И.С. Бердников, М.А. Остроумов и др., используя эту концепцию при рассмотрении вопросов о положении церкви в Российской империи, также признавали необходимость его изменения и уменьшения чрезмерного государственного вмешательства в церковную сферу. Но при этом они отстаивали сам принцип союза церкви и государства, имевший, по их мнению, определяющее значение для благополучного существования обоих этих общественных институтов. Необходимо учитывать, что данная концепция развивалась с 80-х гг., когда на примере Германии, а затем и Франции, уже отчетливо можно было видеть к чему может привести разрыв между церковью и государством. Для характеристики этого направления, с точки зрения отношения его сторонников к актуальным церковно-общественным вопросам, весьма характерными являются статьи Т.В. Барсова и И.С. Бердникова, в которых представлена развернутая критика различных

современных им теорий отношений государства и церкви, предполагавших их разделение или насильственное подчинение церкви государству.

Концепция «византийской симфонии» явилась ответом также и на зарубежные обвинения византийской церкви в цезарепапизме, получившие широкое распространение благодаря работам Я. Буркхарда, Я. Фаллмерайера, И. Гергенретера. При этом сложилась ситуация, когда сторонники первого направления, «грешившие чрезмерным использованием» зарубежной, прежде всего немецкой протестантской церковно-исторической литературы, стали восприниматься отдельными представителями консервативных церковных и духовно-академических кругов как проводники протестантского мировоззрения. Такие настроения, наряду с необходимостью реформирования духовных академий для усиления в них пастырской подготовки духовенства, послужили причиной появления Устава Православных Духовных Академий 1884 г., по которому свобода научно-исследовательской деятельности фактически подверглась ряду ограничений.

Третий подход к проблеме государственно-церковных отношений в Византии впервые был представлен также в начале 80-х гг. в работах Н.С. Суворова (1848–1909), профессора Демидовского юридического лицея в Ярославле, а впоследствии ординарного профессора по кафедре церковного права в Императорском Московском университете. Характеризуется он, прежде всего, констатацией теократического характера византийского государства, при котором государство и церковь представляют единое целое под главенством императора. Базовый принцип Н.С. Суворова, утверждающий, что земным главой церкви в Византии являлся носитель верховной власти – император, выступал также для него ключевым при защите существовавшей в его время отечественной системы государственно-церковных взаимоотношений. Таким образом, основанный на критике концепций как цезарепапизма, так и «византийской симфонии», этот подход представляет собой реакцию консервативно настроенных светских кругов на попытки ухода от синодальной системы управления церковью, в которых им виделась угроза самодержавной власти российского императора.

Наиболее четко специфику использования отмеченных выше концепций их сторонниками при обосновании подходов к современным им проблемам государственно-церковных взаимоотношений можно наблюдать в «Журналах и протоколах Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» 1906 г. при анализе полемики по вопросу о восстановлении патриаршества, разгоревшейся на заседаниях I-го отдела.

Таким образом, можно констатировать, что изучение византийской системы взаимодействия между церковью и государством в период становления отечественной византистики и науки церковного права можно рассматривать, по преимуществу, как средство для аргументированной защиты исследователями своих взглядов на современные для них вопросы

реформирования государственно-церковных отношений в Российской империи. Злободневность этих вопросов обеспечила значительный количественный рост публикаций по данной тематике, но в то же время способствовала повышению уровня эмоциональной окрашенности результатов исследований.

М.В. Салимгареев (Казанский ГТУ)

**Осмысление стоического наследия
профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Анализ осмысления стоического наследия профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов России во второй половине XIX – начале XX вв. являет интереснейший пример того, как общественная трансформация конкретной эпохи порождает особый угол исследовательских интерпретаций, задает определенный вектор в актуализации прошлого. Поздняя Стоя как значимое явление заката античной культуры отразила глубокие психологические и идеологические потребности кризисной эпохи. Закономерно, что склонный к космополитизму, универсализму и аскетизму стоицизм своей житейской, практической направленностью вызвал повышенный отклик в российском сознании.

Фактически первым представителем университетской науки, обратившимся к Стое, стал В.И. Модестов. Внимание к стоической философии и к ее представителям было проявлено В.И. Модестовым главным образом в просветительно-публицистических работах, относящихся к тому периоду его творчества, когда он был отстранен от преподавательской деятельности. Либеральные убеждения ученого отчетливо прослеживаются в речи, посвященной Сенеке и его письмам к Луцилию, произнесенной на торжественном акте в Университете Св. Владимира в 1872 г. В ней римский философ представлен как носитель идеалов языческой нравственности, но, по своей сути, полагал Модестов, стоицизм Сенеки был не способным возродить древнее общество (Модестов В.И. Философ Сенека и его письма к Луцилию. Киев, 1872. С. 12).

Работой «Марк Аврелий и новая религия» (Наблюдатель. 1882. № 3-4), Модестов откликнулся на книгу «Марк Аврелий и конец античного мира» Эрнеста Ренана. Высоко оценивая работу Ренана, В.И. Модестов сам в стоическом духе замечает, что она позволяет «уйти на время от созерцания окружающей нас вакханалии диких и подлых страстей, беспрепятственно разоряющихся на наших глазах и в жизни, и в печати, от созерцания постоянных оскорблений всего того, что до сих пор составляло лучшую веру и надежду, от этого оглушающего призыва к стадным чувствам нашей природы, от этого прославления холопства, как гражданской доблести, от этого цинического отрицания прав человека на достой-

ное существование» (Там же. № 3. С. 136). Ученый не скрывает, что очарован Марком Аврелием как императором, что видит в нем идеального монарха. Он мудрый, справедливый, гуманный, распорядительный, он – предмет общей любви. Тем не менее, он допустил гонения на христиан. Оправдывая его, В.И. Модестов уверен, что он не был их инициатором, что гонения достались ему в наследство, он лишь продолжал политику восстановления уважения к закону и к государству. И все же В.И. Модестов не может полностью оправдать Марка Аврелия, как это, например, делает Э. Ренан. «Марк Аврелий не был двигателем гонений, – пишет В.И. Модестов, – он, по всей вероятности, не одобрял обнаруживавшейся временами жестокости к этому населению со стороны местных властей; но он ее терпел, допускал, не ограничивал законодательным актом, хотя, быть может, и стремился к смягчению ее на практике» (Там же. С. 147). Как видим, автор вполне адекватен современности, он не желает до конца оправдывать политику Антонина, стало быть, не может до конца оправдывать и политику российского императора, повернувшегося к консерватизму. Модестов убежден, что «никакое государство не в состоянии выдерживать возрастающее оскудение жизненных сил, на какое осуждает его систематическое уклонение от участия в его жизни многочисленного класса граждан, не желающих иметь ничего общего с его учреждениями, деятельностью и заботами» (Там же. С. 148). Данная характеристика, как и весь круг стоической проблематики в трудах В.И. Модестова, свидетельствует, что в своих взглядах на Стою казанский антиковед исходит из современной ему нравственной атмосферы эпохи, заставляющей обращаться к актуальным аспектам античного наследия, находя в них примеры и образцы, должные подвести российское общество конца XIX века к пониманию истинных основ общезжития и нравственного поведения.

В культурологическом контексте рассматривал Стою профессор Московского университета М.С. Корелин. Связанный с лучшими традициями «русской исторической школы», он развивал культурно-исторические подходы применительно к истории древнего мира и средних веков. По мнению М.С. Корелина, стоицизм, стремясь заменить религию и этим реформировать духовные устои римского общества, лишь обострил нравственные стремления; не будучи в состоянии дать им полное удовлетворение, он не мог надолго соответствовать нравственным потребностям ни общества, ни отдельной личности, поскольку игнорирует естественную любовь человека к человеку. В результате обострившийся духовный кризис имел лишь единственный выход – обращение к христианству (См.: Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 1901).

Другой точки зрения придерживался профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Зелинский. По его мнению, стоицизм как философская школа отвечала на вопросы, заданные Сократом. Ее ответом стала нравственная философия, «создательница единственной в

мире автономной морали, сознательно выводящая нравственный долг – долг человека – из его правильно понимаемой природы» (Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Т. 2. СПб., 1905. С. 99-100). Интересным аспектом в авторской интерпретации стоицизма является утверждение, что его нравственная философия органически вплетена в христианство. Стоицизм, войдя в христианство, продолжает в нем жить. В новых исторических условиях христианство встает на место, некогда занимаемое стоицизмом. Ныне уже христианская мораль войдет в новую форму морали. Ф.Ф. Зелинский позитивную направленность грядущих социальных перемен связывал с новым синтезным освоению нравственных, духовных начал античности и христианства.

В рассматриваемый период появляются переводы и публикации позднеримских стоиков, стимулировавшие рост интереса к стоицизму в обществе. Активно осваивалась зарубежная историография. Стоя нашла свое место и в курсах лекций по древней истории Б.А. Павловича, М.М. Покровского, Н.И. Кареева, Н.А. Осокина, В.И. Герье. Российские исследователи откликались на иностранные работы по стоической философии. Переводятся как общие, так и специальные исследования по древнегреческой и древнеримской философии, в которых стоицизму традиционно отводится особое место.

Складывавшийся в России интерес к стоицизму на рубеже веков был обусловлен подобием российских реалий с историко-культурной ситуацией кризисного периода позднеримского мира. Идеинная атмосфера этих эпох была наполнена переоценкой и переориентацией мировоззренческих установок. Обстановка нестабильности, осознание несоответствия хода развития социальных событий человеческим устремлениям, пересмотр сложившихся ценностей представлений, острое ощущение потери смысла жизни предопределяли популярность и востребованность этико-практической традиции стоицизма.

Л.М. Шмелева (ТГГПУ, Казань)

С.П. и Д.П. Шестаковы о задачах в изучении классической филологии и древнегреческой истории в начале XX века

Конец XIX – начало XX вв. стали временем осмысления в науке пройденного пути, подведения итогов и постановки задач на будущее, особенно для российской исторической и филологической науки. С.П. и Д.П. Шестаковы не остались в стороне от этого явления научной жизни. Ими был опубликован ряд статей, в которых ставились задачи развития филологической науки и изучения истории древней Греции и подводились некоторые итоги развития классической филологии.

Так, в небольшой заметке «Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии» С.П. Шестаков, делая обзор мнений о происхожде-

нии греческой трагедии и драмы, намечает пути дальнейшего развития истории греческой литературы. «Задачи истории литературы, как науки, – пишет С.П. Шестаков, – могут рассматриваться с разных точек зрения. Несомненно во всяком случае, что одним из ближайших объектов ее является наблюдение процесса развития литературных видов». «В истории древнегреческой литературы, – продолжает он далее, – эта сторона изучения в особенности интересна». Здесь же казанский ученый отмечает, что прежние эстетическое истолкование уже не удовлетворяет современного исследователя, так как «стремилось всячески оправдывать несовершенство и недостатки ранних произведений греческих драматургов», теперь же эти несовершенства служат для исследователя «характерным признаком искусства, еще отыскивающего свои пути, пробуемого и вырабатывающего свои средства» (Гермес. 1908. № 3. С. 76).

Д.П. Шестаков обращает в своих работах внимание на направления в изучении древнегреческой литературы и жизни. Первым таким направлением является изучение народной речи и народного языка, вторым – индивидуализация изучения греческого языка, то есть изучение языка отдельных писателей, что стало возможным благодаря предшествующему развитию классической филологии, которая «заложила прочные основы общего исторического изучения греческого языка». Также ученый указывает, что в изучении Древней Греции одним из направлений исследовательской работы может стать изучение «малых древностей» в истории быта и искусства, внимание к изучению положения различных сословий в древнегреческом обществе, чему особенно способствуют богатые находки папирусов. Д.П. Шестаков пишет и о необходимости изучения древнегреческой религии. Хорошие результаты в этом плане может дать использование наработок по изучению народной латыни.

В последующих публикациях Дмитрий Петрович во многом расширяет высказанные ранее взгляды на развитие классической филологии. Наиболее выразительной чертой современной ему классической филологии Д.П. Шестаков считает «расширение круга тем, интересов, изучений», что связывает с вниманием исследователей к изучению народной речи, с одной стороны, и творчества «писателей послеклассических», с другой. Ученый высказывает сожаление, что у славянской науки нет постоянного представительства и научных исследований, напрямую связанных с местностями, где открываются новые папирусы, но это не мешает ей быть на уровне западноевропейской науки. Дмитрий Петрович считает, что главное, что вносит российская наука в изучение античного мира, – «славянская восприимчивость и спокойная, независимая критика» (Шестаков Д.П. Греческая филология в славянской науке // ЖМНП. 1909. Ч. 24. С. 505, 522). Таким образом, он подчеркивает аполитичный характер российской науки, ставит это ей в заслугу.

Более общие взгляды Д.П. Шестакова на развитие греческой литературы и литературы вообще изложены им в двух статьях: «Сохранность

греческой литературы и египетские папирусы» (Гермес. 1911. №. 11–12. С. 292-298; № 13. С. 330-334) и «О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии» (ЖМНП. 1912. Ч. 39. Отд. V. С. 233-251). Проводя в них те же принципы, что и в предыдущих своих работах, Д.П. Шестаков специально останавливается на вопросах развития литературы и развития наук, изучающих античность. Им высказан достаточно оригинальный взгляд на эту проблему.

Развитие литературы идет путем преемственности через второстепенных лиц: в истории литературы «пред нами проходят не только великие, гениальные писатели, но и меньшие, слабейшие таланты, а для историко-литературного изучения последние столь же значимы, как и первые», «именно второстепенные писатели заполняют своей литературной деятельностью промежуточные стадии между явлениями двух великих талантов». До нас дошло мало известий о писателях древности, поэтому и не наблюдается плавности развития греческой литературы, она представляет собой «обломки, прекрасные, но рассеянные» (Гермес. 1911. №. 11–12. С. 292). Находки папирусов в Египте помогают восстановить «плавность» развития греческой литературы (Там же. С. 330).

Д.П. Шестаков считал основным отличием современной ему классической филологии расширение хронологических границ изучения и добавление культурно-исторических методов исследования. Восстанавливаются и изучаются «с таким же обилием и прочностью рукописного исследования, на таких же основаниях, как и классические писатели, и авторы христианские» (ЖМНП. 1912. С. 233-251).

Главной задачей науки Д.П. Шестаков считал восстановление жизни и культуры древних греков и римлян по литературным памятникам и другим источникам, например, надписям. Начиная с alexсандрийского библиотечаря, астронома, географа Эратосфена, впервые назвавшего себя филологом, Д.П. Шестаковым прослеживается вся история науки через эпохи средневековья и возрождения до современного автору этапа. «При общности основной задачи науки, как и ее первоисточников, – пишет Д.П. Шестаков, – каждое новое поколение подходит к исследованию со своими воззрениями на границы задачи науки, как и на границы средств изучения» (Там же. С. 233). «Мы считаем, – пишет он далее, – первым основным течением в современной науке классической филологии значительное расширение хронологических границ изучения», то есть включение в сферу изучения классической филологии и доклассического этапа формирования древнегреческого языка и после классического периода его развития. В этой связи Д.П. Шестаков рассматривает изучение alexсандрийской литературы, с одной стороны, как самобытной, с другой – как передаточный пункт от греческой к римской литературе (Там же. С. 236-237). Заметив, что за расширением хронологических границ в науку входят другие черты, Д.П. Шестаков подчеркнул, что между ними на первое место выходят как народность, так и их «международность».

На примере развития понятий о языке и его формах автор показывает возможный метод исследования языковых явлений в древнегреческом языке: «Когда мы замечаем, что позднейшие явления языка сводятся к таковым же древнейшим явлениям, то мы безошибочно относим и те, и другие к особенностям народной речи». В то же время «мы возвращаемся к тем первоначальным состояниям обоих античных языков, которые сближают их между собою, и равномерно приближают и греческую, и латинскую речь к их общей индоевропейской основе, то есть повторяем свои изучения на международном основании» (Там же. С. 249, 250).

Таким образом, С.П. и Д.П. Шестаковы ставят в качестве задач на будущее изучение народного языка, жанров древнегреческой литературы для классической филологии, для изучения истории Древней Греции – обратить внимание на исследование положения отдельных сословий, их быта, народной религии.

Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН)

Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции (XIX – начало XX вв.)*

Говоря о происхождении особого типа историографии – всеобщей истории, качественно отличающегося от повествований об истории отдельных народов, мы попадаем в весьма отдаленную, античную эпоху. Что касается рождения всеобщей истории Нового времени, то оно связано с именем Дж. Вико, с прогрессирующей секуляризацией исторического сознания и с «историографической революцией» XVIII в. В классической парадигме всеобщая/всемирная история была «высоким жанром», в котором на протяжении столетий корифеи историографии стремились реализовать свои самые амбициозные проекты. В России же идея всеобщей истории – довольно позднее приобретение. Само ее распространение было напрямую связано с мучительными поисками ответа на вопрос об исторических судьбах человечества как целого, и России – как его части. В XIX – начале XX вв. идея всеобщей истории имела особое значение как для профессиональной историографии, так и для острых общественных дискуссий о прошлом и будущем России.

В интерпретации Т.Н. Грановского «нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей Истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества», но при этом всеобщая история не превращается в простую сумму частных, локальных и национальных историй. Принцип отбора материала

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02.740.11.0350.

для всеобщей истории должен был, в соответствии с концепцией Грановского, состоять в вычленении «общего, существенного» в процессе развития человечества – развития, общего для всех народов.

Профессиональное понимание всеобщей истории у Грановского восходит к концепции Ранке, который считал, *наука всеобщей истории* отличается от специального исследования тем, что, изучение особенного непременно устанавливает связь с более широким контекстом, а конечной целью остается постижение и написание истории человечества». Во вводной лекции по истории историографии (1848 г.) Грановский дал пространное изложение своего понимания различия между частной (локальной или национальной) историей, с одной стороны, и универсальной, или всеобщей историей, с другой: он обнаружил корни этой концепции в христианстве, но связывал ее реализацию с современной ему философией истории и подчеркивал, что *всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека*. При этом также акцентировалось различие между *всемирной* и *всеобщей* историей, и первая трактовалась как направление эмпирическое, которое *ложно* потому, что довольствуется только фактами и *оставляет в стороне человека*. Всеобщая же история, по Грановскому, немыслима вне человека, «в стороне» от него и представляет собой, по сути, *биографию Человечества*. Более того, Грановский, утверждал, что всеобщая история должна иметь предметом развитие *духа* рода человеческого». Речь, таким образом, может идти о *духовной биографии Человечества*.

Влияние Грановского на все последующее развитие российской историографии всеобщей истории, основы которой он заложил, в XIX – начале XX вв. бесспорно. Несколько поколений испытали его. Это были преемники Грановского по кафедре всеобщей истории П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский, а также С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, В.И. Герье, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов, Р.Ю. Виппер и многие другие.

Герье, например, как и Грановский, подчеркивал, что всеобщая история имеет для русских особое значение, поскольку представители западных стран не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, в то время как для русского всеобщая история – это история человеческой цивилизации. Стремясь охватить «всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель», не упуская из вида ее «самое конкретное явление» – отдельного человека и настойчиво подчеркивая роль в истории субъективного элемента, Герье видел в знании всеобщей истории необходимый элемент современной культуры.

Историки русской исторической школы, считая Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, всегда признавали самобытность России, даже подчеркивали ее значение и недвусмысленно выражали свое убеждение в необходимости учитывать национальные традиции и специфику внутреннего развития, культурно-историческое наследие – короче,

все те характеристики, которые мы теперь назвали бы цивилизационными основаниями исторического процесса. Будучи профессионалами высочайшего класса с оригинальными философскими и историческими взглядами, российские «всеобщники», отчетливо понимали, что простое наличие апробированных моделей перехода от старого режима к современности могло бы лишь облегчить и ускорить этот процесс, но сам механизм этого движения по пути, проложенному другими, может быть запущен только в аналогичной исторической ситуации, созданной социальными, экономическими и политическими условиями самого общества, его действительными потребностями. Так, П.Г. Виноградов, признавая возможность заимствовать достижения западной цивилизации, исходил из обязательного учета особенностей «национального организма» России. Главное значение всеобщей истории Виноградов видел в воспитании человека через «продумывание» и «прочувствование» последовательности развития человечества, и при этом подчеркивал, что *именно всеобщая история должна быть русской наукой*.

Чтобы до конца представить всю широту понимания предмета исторической науки в российской традиции всеобщей истории, необходимо не упустить из виду, что комплекс идеалов и ценностей, на базе которого выстраивалась картина всемирно-исторического развития, был насквозь гуманистичен. Российские «всеобщники» настойчиво подчеркивали не только разнообразие и многосторонность *жизни человечества*, разных поколений, но и роль личности, индивидуального начала в истории, и в качестве ее творца, и как субъекта исторического познания. Что же мог в этой парадигме взять историк «за центр, около которого должны группироваться все элементы культуры? Это нечто есть человеческая личность, ибо все в истории существует через человека, в ней и для нее» (Н.И. Кареев). Не случайно, что одна из лучших практических разработок «русской» идеи всеобщей истории – серия учебников для школ, написанная Н.И. Кареевым по всем частям и периодам мировой истории. Главная черта этих текстов – интегральная презентация исторического процесса.

Несмотря на прошедшие более полутора столетий многие оригинальные положения концепции всеобщей истории, разделяемой российскими историками XIX – начала XX в., вызывают отнюдь не антикварный интерес, приобретая в современном интеллектуальном контексте особое звучание. Аргументация современных пропагандистов глобальной истории, пытающихся на новом теоретическом уровне вернуться от микроисторической оптики к масштабному, интегрирующему взгляду на историю и охватить человечество как некую структуру в развитии взаимосвязей ее отдельных частей, удивительным образом перекликается с тем, что Н.И. Кареев, более века назад констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», описывал как «всемирно-историческую точку зрения»: Всемирная история есть «процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, ма-

ло-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т.е. жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны в том или ином участии в делах других народов, а с другой – в испытывании разнородных влияний, идущих от этих других народов. То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом над суммою частных историй возникает общая, универсальная, всемирная» (Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 7).